

МОТИВ ПАМЯТИ В ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ А. АХМАТОВОЙ

Особая роль категории памяти в лирике А. Ахматовой неоднократно описывалась исследователями, в числе которых В. Виноградов, Б. Эйхенбаум, К. Чуковский, Ю. Левин, Р. Тименчик, Л. Кихней и другие. Определяя место категории памяти в ахматовском художественном мире, они отмечали такие аспекты ее реализации, как участие в создании образа героини-поэтессы; передача психологического состояния лирической героини; осмысление прошлого и своего места в нем; организация многопланового лирического сюжета. Память в ахматовском художественном мире даже определяется как «важнейшая художественно-эстетическая категория, на которой зиждется ее мир».

Мотив всезнания/всевидения – один из ключевых в создании облика поэта-пророка, наделенного особыми качествами. В творчестве А. Ахматовой он тесно переплетается с мотивом памяти: *Я вижу все. Я все запоминаю, // Любовно-кротко в сердце берегу. // Лишь одного я никогда не знаю // И даже вспомнить больше не могу* («И мальчик, что играет на волынке...», 1911). По мнению Л. Кихней, поэт здесь выступает как хранитель «вещественной плоти мира, его форм, запахов, звуков».

В приведенных выше строках можно усмотреть двойную отсылку к мотиву памяти: *все запоминаю – вспомнить не могу*. В другом стихотворении, написанном в том же году, речь идет о невозможности *забыть* происходящее: *Как забуду? Он вышел, шатаясь, // Искривился мучительно рот...* («Сжала руки под темной вуалью...», 1911). Таким образом, память как будто неподвластна героине: она хранит воспоминания, мучительные для нее, и не сохраняет особые знания о мире, которые, возможно, облегчили бы ее существование (...*даже вспомнить больше не могу – значит, пытаюсь вспомнить?*). Более того, поэтический дар в какой-то степени требует от нее беспамятства: *У меня сегодня много дела: // Надо память до конца убить, //*

Надо, чтоб душа окаменела, // Надо снова научиться жить. // А не то... («И упало каменное слово...», 1939).

Избирательность памяти касается в первую очередь воспоминаний любовных: *Кто ты: брат мой или любовник, // Я не помню, и помнить не надо («Как соломинкой, пьешь мою душу...», 1911).* В одном из текстов поэтесса прямо заявляет: *Тяжела ты, любовная память! Мне в дыму твоём петь и гореть, // А другим – это только пламя, // Чтоб остывшую душу греть.* Более того, она просит у высших сил благословенного забвения: *Дай мне выпить такой отравы, // Чтобы сделалась я немой, // И мою бесславную славу // Осиянным забвеньем омой («Тяжела ты, любовная память...», 1914).* В то же время наиболее яркие переживания героиня все-таки не утрачивает: *И мне казалось – наяву // Тебя увижу, незабываемый... («Когда в мрачнейшей из столиц...», 1916);* их невозможно утратить: *О, есть костер, которого не смеет // Коснуться ни забвение, ни страх («Не будем пить из одного стакана...», 1913).*

Невозможно забыть и неизжитую, не до конца выстраданную любовь: *В моем тверском уединенье // Я горько вспоминаю вас («Покорно мне воображенье...», 1913).*

В то же время лишение памяти о событиях – своего рода мучительное наказание, которым героиня угрожает возлюбленному: *Из памяти твоей я выну этот день, // Чтоб спрашивал твой взор беспомощно-туманный: // Где видел я персидскую сирень, // И ласточек, и домик деревянный? («Из памяти твоей я выну этот день...», 1915).* А в стихотворении «А ты теперь тяжелый и унылый...» (1916) она говорит: *Я только петь и вспоминать умею, // А ты меня и вспоминать не смей.* Таким образом, наличие памяти о событии – это в каком-то смысле дар, и дается он не каждому.

К области незабываемого могут быть отнесены образы, с которыми связаны переживания детства и юности: *Всё мне видится Павловск холмистый, // Круглый луг, неживая вода, // Самый томный и самый тенистый, // Ведь его не забыть никогда («Всё мне видится Павловск холмистый...», 1915).* Или:

Там, за пестрою оградой, // У задумчивой воды, // Вспоминали мы с отрадой // Царскосельские сады («Вновь подарен мне дремотой...», 1916).

Память может выступать как последнее средство, связывающее героиню с этим миром. Так, в стихотворении «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...» (1913) она утверждает: *... я томлюсь в неволе, // О смерти господя моля, // Но все мне памятна до боли // Тверская скудная земля.* Противопоставление в третьей строке (*но... памятна до боли*) становится ключом к прочтению текста: в двух следующих строфах раскрываются детали, которые хранит память лирического «Я»: журавль у колодца, облака, воротца полей, запах хлеба и т.д. Общая картина стихотворения как раз и складывается из этих отдельных деталей, позволяя читателю делать предположения о том, почему героиня «томится в неволе».

Об этой особенности реализации категории памяти в ахматовской лирике упоминает, в частности, Л. Кихней: «Многие стихотворения Ахматовой моделируют работу памяти. Консервантом "памяти сердца" у нее становится вещный образ, деталь. Метонимически-образное их представление позволяет реконструировать картину переживания, "материализовать" эмоцию».

«Детализация», овеществление памяти опирается на ее избирательность: общеизвестным является знание о том, что каждый из очевидцев какого-либо события создает собственную версию происходящего, опираясь на те детали, которые сохранила индивидуальная память. Так, в стихотворении «А! Это снова ты...» (1916) героиня просит бывшего возлюбленного простить ее за совершенное (или существующее только в воображении героя) предательство, утверждая, что она сама уже об этом ничего не помнит: *Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный, // И крики журавлей, и черные поля...* Однако последняя строчка показывает, что память о нежных чувствах героиня все-таки сохранила: *О, как была с тобой мне сладостна земля!*

Овеществление воспоминаний становится и тем началом, которое объединяет влюбленных героев, например: *На дороге бубенец зазвякал - // Памятен нам этот легкий звук («Каждый день по-новому тревожен», 1913).*

Предметы окружающего мира могут выступать как средство сохранения воспоминания, например: *Чтобы песнь прощальной боли // Дольше в памяти жила, // Осень смуглая в подоле // Красных листьев принесла* («Вновь подарен мне дремотой...», 1916). Здесь обращает на себя внимание цветообозначение «красный», издавна связанное в народном сознании с цветом крови, трагедии.

В то же время сохранившиеся в памяти подробности могут иметь исключительно ассоциативную связь с описываемым событием: *Он говорил о лете и о том, // Что быть поэтом женщине – нелепость. // Как я запомнила высокий царский дом // И Петропавловскую крепость!* Почему все это стало таким значимым для героини? Может быть, потому, что ... *в этот час была мне отдана // Последняя из всех безумных песен* («В последний раз мы встретились тогда...», 1914).

И. Гурвич замечает по поводу этих строк: «Казалось бы, коренному жителю Петербурга (какова ахматовская героиня) не должно бы особо и отдельно запомниться то, что ему уже довелось видеть, наверное, десятки раз. Но у "любобной памяти" свои законы: она может представить многократно виденное как однажды увиденное – как сплавленное с однажды пережитым. Второе двустороннее по смыслу связано ... не с буквальным содержанием первого, а с его эмоциональным подтекстом, образующимся в конкретике изображения».

Как свидетельствуют наблюдения исследователей, «Ахматова в полной мере использует ассоциативный и метонимический механизмы памяти, делая их принципами своей поэтики. Вот почему "консервантами" памяти сердца у нее становятся вещные детали, "сенсорные" образы ... Лирические сюжеты многих ахматовских стихотворений построены по аналогии с механизмом воспроизведения воспоминания. Они тоже строятся дискретно и имеют смысловые "провалы" – благодаря чему и возникают многоплановость, множественность трактовок происходящего» .

Воспоминание рассматривается в поэзии А. Ахматовой как отправная точка для развития сюжета, смысловая опора текста. Именно так строится

стихотворение «Как белый камень в глубине колодца...» (1916), в котором героиня признается: *Я ведаю, что боги превращали // Людей в предметы, не убив сознанья. // Чтоб вечно жили дивные печали, // Ты превращен в мое воспоминанье.* Эти строки еще раз подчеркивают повышенное внимание поэтессы к предметам, которые так или иначе пробуждают в ее лирическом «я» определенные мысли и переживания. При этом воспоминание определяется как нечто амбивалентное: *Оно – веселье и оно – страданье.* Более того, воспоминание необходимо героине, оно – часть ее бессмертия: *Чтоб вечно жили дивные печали, // Ты превращен в мое воспоминанье.* Таким образом, выстраивается логическая цепочка: воспоминание о возлюбленном доставляет героине радость и страдание, но она не готова отказаться от него, несмотря на муки (*дивные печали* должны жить *вечно*); отправной точкой для воспоминанья служат некие предметы, оставшиеся неназванными в тексте.

Память, воспоминание также выступают как средство своеобразного очищения, возвращения к утраченным нравственным ориентирам, например: *Да, не страшны ни море, ни битвы // Тем, кто сам потерял благодать. // Оттого-то во время молитвы // Попросил ты тебя вспоминать* («Ты – отступник: за остров зеленый... », 1917). Здесь герой, характеризующийся как изменник (об этом говорит уже первая строка, играющая одну из ведущих ролей в организации смыслового пространства текста), оставивший родину (а вместе с ней – и возлюбленную), вместе с тем теряет и Божье благословение (благодать). Единственным средством обретения утраченного выступает молитва, в которой будет упоминаться его имя. Однако А. Ахматова использует в стихотворении слово «вспоминать», возможно, указывающее на то, что когда-то лирическая героиня уже молилась о нем.

Память или беспамятство выступает отличительной чертой как героини, так и ее возлюбленного. Выше уже упоминалось о возможности лишения памяти как наказания («Из памяти твоей я выну этот день...»). Способность помнить – свидетельство живого чувства: *Вчера еще, влюбленный, // Молил: "Не позабудь". // А нынче только ветры // Да крики пастухов ...* («Разлука»,

1914). Или: *Что? И ты не хочешь спать, // В год не мог меня забыть...* («Вижу, вижу лунный лук», 1915). Невозможно выбросить из памяти и героиню – носительницу сильного чувства: *А, ты думал - я тоже такая, // Что можно забыть меня* («А, ты думал - я тоже такая...», 1921).

И сама героиня не в силах забыть переживания, связанные с определенным человеком (и это не всегда переживания любовные), – а значит, она не забудет и его самого: *Забуду дни любви и славы, // Забуду молодость мою... Но образ твой, твой подвиг правый // До часа смерти сохраню* («О нет, я не тебя любила...», 1917). И уже в другом стихотворении (и по другому поводу) поэтесса замечает: *О, есть костер, которого не смеет // Коснуться ни забвение, ни страх* («Не будем пить из одного стакана...», 1913).

Следует отметить, что мотив памяти по-разному реализуется в ранней и зрелой лирике А. Ахматовой. И. Гурвич в работе «В споре с традицией классики. Новизна и психологизм. Ахматова» (1997), размышляя об особенностях ахматовской поэзии последнего десятилетия, утверждает: «Прежде "любовная память" переплеталась со сценами свиданий, любовь то вторгалась в текущее, то удалялась во владения воспоминаний. Теперь осталась только память, чувство теперь не переживается, а умозрительно восстанавливается - с тем напряжением, с той остротой, с какой ранее переживалось».

Если в ранних сборниках образы памяти – почти исключительно индивидуальные переживания, то в поздних стихотворениях и поэмах память выступает как поэтическая категория, в рамках которой личное, субъективное если и существует, то лишь как частная реализация общенародного, исторического. С этой точки зрения можно утверждать, что в поздних произведениях категория памяти имеет более глобальный характер, выступая в роли основы, на которой разворачивается лирический сюжет.

Как пишет Л.Г. Кихней, «основой для связи прошлого и настоящего у Ахматовой становится память не только как нечто в человеке, позволяющее соотнести его с историей, но и как глубоко нравственное начало,

противопоставленное беспамятству и хаосу. Вот почему в позднем творчестве Ахматовой категория "памяти" становится своего рода призмой, сквозь которую преломляются ключевые идеи и образы ее поэзии».

Таким образом, категории памяти отводится важное место в раскрытии психологической составляющей образа лирического субъекта – как героини, так и ее возлюбленного. Через нее раскрываются представления об особом мировидении, свойственном героине – поэтессе. Память – то, что связывает ее с окружающим миром; память властвует над ее душой, избирательно сохраняя представления о людях, предметах, событиях (прежде всего любовного характера). Основным способом реализации категории памяти выступают детали - воспоминания овеществляются. Многие тексты моделируют работу памяти, передавая ее дискретный, ассоциативный характер.

Воспоминание часто становится исходной точкой для развития лирического сюжета; выступает средством возвращения к утраченным ценностям и ориентирам; служит положительной характеристикой лирического субъекта.

Мотив памяти по-разному реализуется в ранней и зрелой лирике А. Ахматовой. Если в ранних сборниках память носит индивидуальный характер, то в поздней лирике героиня уже говорит от имени поколения, и ее воспоминания – часть общей истории.